

Римма Ефремова

Я - «ТРИСТА»

РЕЖИМ N РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

26 RC.11 57.10 15V ●●●

ZOOM 1:0X

18+

Римма Ефремова

Я – “триста”

«Яуза»

2026

Ефремова Р.

Я – “триста” / Р. Ефремова — «Яуза», 2026

ISBN 978-5-00155-916-0

«Я — “триста”!» — однажды закричал каждый из них в надежде, что услышит товарищ или командир. А когда рядом не было никого, шептал самому себе: «Я — “триста”...» И верил в спасение, ведь «триста» — всего лишь ранение, это не конец. Надо только дойти, доползти до своих... «Я — “триста”» — это книга-сопереживание, в которой раненые бойцы говорят то, в чём не признаются близким и родным, но что очень важно знать всем нам. Тридцать одна небольшая исповедь: как не стали прятаться, когда объявили мобилизацию, как заключили контракт и пошли на СВО по первому зову Родины. Хотя до этого жили свою жизнь и не готовились к войне. Наши братья, мужья, сыновья. Они все разные. И по возрасту, и по судьбе, порой очень непростой и замысловатой. Но за каждым рассказом проступает настоящее мужество, пробирающее читателя насквозь. Потому что это — правда, оплаченная их кровью.

ISBN 978-5-00155-916-0

© Ефремова Р., 2026

© Яуза, 2026

Содержание

Предисловие	6
Андрей Л. «Енот»	8
Павел Г. «Щекотка»	10
Александр Н. «Молот»	11
Андрей М., 43 года	13
Константин М. «Мартын», 46 лет	14
Владимир К., 28 лет	16
Алексей Д. «Доцент»	17
Андрей Н. «Немец», 42 года	21
Аброр Э., 32 года	25
Игорь А., 45 лет	27
Максим, 28 лет	28
Пётр «Джанго», 33 года	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Римма Ефремова

Я – “триста”

Серия «Военная проза XXI века»

© Оформление. ООО «Издательство Яуза», 2026

Предисловие

Наши ребята, наши мужчины...

Когда объявили мобилизацию, они не стали прятаться – собрались и пошли. Хотя у каждого были планы, дела, заботы. Те, кого не призвали, заключили контракт и тоже отправились на СВО. Совсем скоро в народе её стали называть так, как и должно быть, – войной. В госпиталь я попала случайно. Надо было помочь одной волонтерской группе – моим друзьям – раздать раненым предметы первой необходимости: футболки, трусы, дезодоранты, влажные салфетки-полотенца и прочее. Был выходной день, в палатах в основном оставались лежащие, а ходячие ребята гуляли – кто пешком, кто на коляске – в госпитальном сквере. В коридоре на четвертом этаже развлекались двое парней: один – молоденький, худощавый, второй – постарше и покрупнее. Гоняли на колясках навстречу друг другу и в последний момент отворачивались, чтобы не столкнуться. Столкнулись, конечно.

Ещё в палате я услышала донёсшийся из коридора негромкий короткий матерок, а выйдя, увидела на полу капли крови. Они оба ошарашенно смотрели друг на друга. Перебинтованная культя парнишки окрасилась в ярко-алый. Он молча опустил голову. Тот, что постарше, словно оцепенел. Вот ведь, на войне не боялись, а тут как нашкодившие пацаны.

– Чего стоим? Иди за медсестрой, – во мне включилась строгая тётенька. Через минуту прибежали две медсестры и принялись осматривать пострадавшую ногу: что, как, почему? Парнишка молчал, мотал головой и пожимал плечами. Может, не хотел признаваться в том, что сам виноват. Но я думаю, ему просто было больно. Переглянувшись, сестрички пошли в перевязочную. Он ехал рядом, послушно крутя колёса коляски. Второй с виноватым видом последовал за ними и остался ждать товарища у двери. Слово из ниоткуда возникла санитарка и быстро замыла кровь на полу.

Всего лишь маленький эпизод из жизни госпиталя, но он – с болью и кровью прямо тут, на моих глазах, – словно разрушил незримую стену, которой мы, обыватели, интуитивно отгораживаемся от ужасов войны. Как говорится, не со мной – и ладно.

Мне захотелось выразить им своё сочувствие и поддержку. Не опосредованно, через волонтерскую помощь – одежда, предметы личной гигиены, а непосредственно – глаза в глаза. С диктофоном я обошла несколько московских госпиталей и задала ребятам три вопроса: как получили ранения, как спасались и как справлялись со страхом? То, что там было страшно, думаю, люди в тылу прекрасно понимают. Условие разговора одно – правда. Их, личная. А моё обязательство перед ними – ничего не приукрашивать. Кто как умел, так и говорил: скупое и просто, весело и складно, сумбурно и рвано. А чтобы читателю было легче воспринимать текст, в конце книги приведена расшифровка терминов и жаргонных слов, которые бойцы употребляли наиболее часто.

Они – это мы. Наши братья, мужья, сыновья. Как и все мы, они не готовились к войне, жили свою жизнь: работали, растили детей, любили, хулиганили, ссорились-мирились. А потом мы остались здесь, а они ушли *туда*.

Но это не значит, что мы оказались в стороне. И что за них переживают только близкие. Ни одному человеку, у кого есть сердце, не может быть всё равно, когда мужчины в расцвете лет гибнут или остаются инвалидами с опалённой душой.

Парни недобро поглядывают на мой диктофон – он их смущает. Поэтому часто самое интересное остаётся «за кадром», когда я выключаю своё «орудие пытки». Тогда ребята сразу раскрепощаются, откровенничают, хохмят. Но их греет сама мысль о том, что они могут рассказать о пережитом – и кому-то это будет интересно. Многие хотели, чтобы я оставила в тексте полностью их имя, фамилию, позывной и даже добавила фотографию. Но имею ли я право

подвергать их такому риску? Наш враг изощрённый и подлый. Потому здесь будут только имя, позывной и возраст.

Они хотят быть услышанными. Мы же их услышим?

Сынок, тебе страшно?

Сынок, тебе больно?

Я – твоя Родина.

Я – твоя мама.

И я – с тобой.

* * *

Андрей Л. «Енот»

Из открытых дверей палаты доносился раздражённый мужской голос: «Я же сказал, положите на эту тумбу! С первого раза не, никак?». Стало интересно: кто же там такой капризный? Кому не туда положили блистер с таблетками? Кто так ощутимо заполняет собой пространство палаты?

Ему немного за сорок. Внимательный тяжёлый взгляд человека, много повидавшего, а потому скептического и недоверчивого. Когда мы с волонтерами вошли в палату, один раненый мирно посапывал, отвернувшись к стене, двое зависали в телефонах. Но, увидев девчонку-волонтерку с гуманитарной помощью, радостно заулыбались: «А что у вас есть?». Лишь этот, Андрей, не выказал никаких эмоций. Что ж, с него и начнём.

Родился в Елабуге, по молодости была отсидка за «хулиганку», потом работал в Тюмени, ездил на вахты в Нижневартовск и Сургут. Личная жизнь не сложилась, вся семья – его мать. Неудивительно, с таким-то характером: неуступчивый, жёсткий, склонный даже не к лидерству, а к доминированию.

Мы, 21-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, группой из пяти человек пошли на штурм позиции украинцев. Отбили укреп, закрепились. Буквально через пять минут нас в упор начали обстреливать из орудия. Помню взрыв за спиной. Когда очнулся, увидел, что наполовину завален землёй. Первая реакция – крик, паника. Огляделся. Все мои ребята погибли. Я не мог в это поверить. Стал окликать их, надеялся, что хоть кто-то отзовется или застонет. Но никто не ответил. Я остался один. Эта минута была страшной, да... Как будто ты остался один на всей земле, такое одиночество накрыло. И паника накатывает сама, помимо твоей воли. Но я попытался взять себя в руки, сказал себе: раз живой, надо что-то делать.

Выбрался из завала, перетянул ногу, поставил обезбол. Начал пробираться в «лисью нору» – это укрытие в окопе. Снял с себя бронежилет, заполз в укрытие и этим бронежилетом прикрыл вход, чтобы защититься от осколков. Ближе к вечеру пошёл небольшой дождь. Набрал в каску немного воды, и это был единственный раз, когда попил за следующие семь суток. Видимо, от потери крови я впал в забытие – и вдруг услышал голос, похожий на детский: «Ползи!». Я оглянулся, но рядом никого не было. Подумал, что начались галлюцинации. Стал разговаривать сам с собой, чтоб не сойти с ума. Дождавшись, когда стемнеет, выполз из норы. Днём-то нельзя: летают дроны – и ты как на ладони. Любое движение – сразу обстреливают. Выполз, обмотал ногу, длинный конец бинта пропустил через пояс, привязал, чтоб не потерять её, потому что не чувствовал и не знал, что с ней. Пополз.

Полз только по ночам. И каждый раз меня будил голос: «Ползи...». Я не могу объяснить, но я как будто знал, в каком направлении надо двигаться. Семь суток ада и боли. Когда начинало светать, я подползал к убитым солдатам, ложился рядом, колол обезболивающее, чтобы вырубиться. Потому что иначе никак. Обезбол находил у убитых.

В одну из ночей рядом пробежала на штурм 15-я бригада. Двое парней пытались унести меня на эвакуацию. Попробовали поднять, но боль была такой сильной, что я не смог даже двинуться. Сказал парням бросить меня и идти дальше. Единственное, попросил их заткнуть рану бинтами, чтоб не умереть от кровопотери. Поэтому и выжил, что бинт в ране засох, кровь запеклась и кровотечение прекратилось. Семь суток ни воды, ни еды. Воду заменяла выжатая из влажных салфеток жидкость. Ел, если можно так сказать, один раз: рядом с подбитым танком лежал убитый солдат, в руках у него была открытая банка сгущёнки...

Через три дня после штурма меня объявили «двухсотым». Потому что когда ребята из нашей бригады отходили, видели, как окоп с моей группой обстрелял противник. На седьмые сутки в ночь я уже прощался с жизнью, потому что сил больше не оставалось никаких. Сквозь

туман в глазах увидел впереди себя какой-то шалаш. Была цель: добраться до него – и всё... Помню, заполз в него и вырубился. Очнулся от того, что почувствовал рядом какое-то движение. И крик в рацию: «Енот!.. Енот жив! Мы нашли Енота!». Это оказались парни из моей группы. Дальше была эвакуация, госпиталь один, второй... Но я до сих пор так и не знаю, что за голос вёл меня к своим.

Моя мать сказала – это был ангел.

Андрея уже выписали из госпиталя. Ногу удалось сохранить, но ходить пока приходится с костылями. А ещё он встретил женщину, которая отыскала тропку к его сердцу. А он принял её ребёнка как своего. Рядом с ней, говорят, он немного оттаял, поумерил свой крутой нрав. Иногда даже улыбается. На фотографиях с их совместных прогулок по городу – дружная благополучная семья.

Павел Г. «Щекотка»

До СВО Павел, позывной «Щекотка», как он сам говорит, работал везде. Побывал во многих местах, объездил весь тюменский север. И водителем был, и строителем. Но по-настоящему нашёл себя на войне.

Опираясь на костыли, он курит, прячась от переменчивого майского ветра за углом здания хирургии. Худощавый, подвижный, собранный. Скоро выписка, он собирается съездить к родным в Тюмень, восстановиться, а потом – на новый контракт. Мыслями он уже там, на «передке».

Здесь скучно. Настоящие пацаны, настоящие друзья – там. А здесь просто знакомые. Там сразу видно, что за человек. Когда в 2023 году я вошёл в ворота «конторы» (*речь идёт о «Вагнере»*), меня потряхивало, конечно. Я хоть в армии и служил, был замкомвзвода, награду армейскую имею, а тут всё заново. Ты должен доказать, что из себя представляешь. Три дня на обучение – и туда. Штурмовиком. Группа была у нас «Амбрелла»¹, самая отвязная. Это смертники, как штрафбат в Великую Отечественную, только тут мы сами в неё собрались – те, кому нечего терять. За неделю боёв из семидесяти пяти человек осталось три с половиной. Самые большие потери мы понесли в Бахмуте. Это наш Сталинград.

Со страхом приходится бороться постоянно. Помню, как-то ночью шли на БЗ, темно, свернули не туда: надо направо, а мы налево. Шли друг за другом. Я наступил на что-то мягкое. Представляете – ночью, в темноте? Сам не ожидал, что так испугаюсь. Чуть не выстрелил. Оказалось, наш раненый. Неделю лежит, рядом ещё двое, но уже «двухсотые». Этому повезло – наткнулись. Передали координаты. Спасли.

Война, она разная. Есть честная, а есть подлая. Со стороны врага подлость вообще запретельная. Иной раз думаешь: в них что-то человеческое осталось? Как-то нам пришлось отойти, не смогли удержать укрепл. Хохлы нас долбили, нескольких ребят «задвухсотило». Мы их сразу не смогли вытащить. Среди них был один, Слава «Бим», лет двадцать пять – двадцать шесть. Не знаю, откуда родом. Он пел хорошо, музыкальную школу даже закончил. В общем, в «Вагнер» он не с воли пришёл. За что сидел – не знаю. Не принято у нас спрашивать об этом. Всех погибших ребят жалко, а его как-то особенно было.

И тут через два дня мы пошли зачищать посадку. Смотрим: он возле дерева сидит. Раненый, но перевязанный. И видно, что руки-ноги перебиты. Мы сначала не поняли, к нему кинулись: «Бим, живой!». Он говорит: «Парни, не подходите». В чём дело? А он, весь обвязанный гранатами, сидит на «монке». Оказалось, раненого его взяли в плен хохлы. Переломали, искалечили и вот так оставили. Знали, что мы всё равно придём своих вытаскивать.

Мы не могли его там бросить. Он то терял сознание, то приходил в себя. Наши сапёры три часа возились, бесполезно. Мы в это время «птичек» (*дроны*) караулили, чтоб дать им возможность работать. Но поступил приказ... Мы ничего не могли сделать. Только попросить у него прощения...

Поэтому я не жалею, что пошёл на СВО. Эту нечисть надо уничтожать. Лучше я буду это делать, чем мой сын, которому скоро идти в армию. Я ему сказал: пока не родишь мне внука, тебе туда рано. Должно же быть продолжение рода?

А я уж не подведу ни его, ни себя. Жалости к врагу у меня нет, уж извините. И сплю я хорошо, крепко. Мы же не убиваем – мы ликвидируем врага. И если бы нам дали приказ, мы бы уже в Киеве свой флаг водрузили.

¹ В ЧВК «Вагнер» в группу «Амбрелла» (англ. umbrella – зонтик; отсылка к серии компьютерных игр и фильмов «Обитель зла», где фигурирует корпорация «Амбрелла») набирали ВИЧ-инфицированных. (*Прим. ред.*)

Александр Н. «Молот»

Одноместная палата: кровать, тумбочка, стол, шкаф и в проходе – инвалидная коляска, яркая, дорогая. Симпатичный кареглазый брюнет. Мягкие черты лица, взгляд упрямый. Держится с достоинством. Мне всё время хотелось погладить его по голове с мальчишеским вихорком. Тяжёлое ранение двух ног: одна ампутирована выше колена, вторая – на аппарате Илизарова, пытаются спасти. Ранение в пах. Вот такой набор в неполные сорок лет.

Сначала был Бахмут, потом бригаду перебросили в Курск. На СВО по контракту, с октября 2023 года по август 2024-го. До этого жил как все. Служил в армии. Работал на шахте. Потом побил двух мужиков, разозлили. Точнее, одного побил, второй убежал. Мне дали два года три месяца общего. На зоне я работал и учился. Там хорошо было, всё строго.

У меня ребёнок маленький был, я его один воспитывал. Мои родители умерли. Органы опеки хотели лишить меня родительских прав. Отдали сына в патронажную семью. Я плачу алименты. Уже четыре года не видел его, соскучился. Не уверен, что смогу его вернуть, но мне хотя бы дали возможность общаться с ним. Я ведь ему и за мамку, и за папку был. Сидеть оставалось три с половиной месяца. Подумал: освобожусь, а дальше? Биографию сыну испортил. И куда я со справкой о судимости? На работу не возьмут. А тут убьют так убьют, хоть ребёнку нормально будет. Пошёл по контракту.

В Бахмуте я был в штурмовой роте «В». С задания приходишь – пара дней отдых, потом занятия на полигоне. И как-то сижу на полигоне, начало лета было. В телефоне зависаю. Увидел в соцсетях фотографию девушки, пролистал дальше, а в подсознании осталось: вот, вот она... Сердце ёкнуло: ё-моё, красивая. Ещё и землячка! Вернулся, написал. Познакомились, стали общаться. Меня просто накрыло. Обо всём на свете забыл. Пацаны даже телефон у меня украли, потому что я в нём весь там в любви. И не отдавали, типа чтоб меня остудить: мол, она охотница, сейчас таких полно, и чтобы я не вёлся на её разводилово. Я смеюсь: вы что, пацаны? Вы всех-то не подозревайте!

Они у виска покрутили, но телефон вернули. Я ей звоню: «Приезжай в гости ко мне. Что, кольца-то покупаем?». Она обрадовалась. Заказал кольца с доставкой ей домой. И она уже собралась ко мне приехать. Но тут нас отправили в Курск. Она не смогла приехать: город закрытый, никого не пускают. Расстроился, конечно. Она тоже. Но я ей пообещал: я вернусь!

Я сапёр-оператор БПЛА. И вот однажды выхожу с «птичкой» заряженной и смотрю: падает ВОГ. А рядом ящики с БК. Мысль в голове: я же ей обещал. А тут однозначно – «двести». Глаза открываю: ноги разворотило. Кровь из паха, там сильное ранение. Артерии на обеих ногах перебиты. Весь в осколках. Понимаю, что вытекаю. Телефон в нагрудном кармане, когда достали – в нём осколок. А так бы прямо в сердце. Пацаны жгутами перетянули, обезбол вкололи. Я ещё им сказал сумку мою собрать. Хотя сам думал: всё, хана, вытеку. У нас только квадрик. Меня на носилки – и поперёк него. Едем, я отключаюсь. Бурят Петруха из соседней роты всю дорогу меня по щекам бьёт. Я будущей жене голосовое отправляю: «Извини, подвёл». Сам реву. Молился. Не за себя – за неё. Чтобы у неё всё было хорошо.

Навстречу попался уазик. Петруха его разворачивает, меня погрузили, довели до зелёной зоны к медикам. Они обработали. Звонят в госпиталь десанникам, чтоб навстречу отправили реанимобиль, потому что на уазике не довезти. На полпути перегрузили в него. Я поставил себе трамадол, время записал на руке. А медик мне, смотрю, ставит нифопан. Говорю: «Нельзя же». А он: «Кто тут врач? Я же не учу тебя сопромату». Прошу ослабить жгуты, кровь немного спустить, потому что очень плохо. Он кровь спустил, укол поставил, я отключился.

Глаза открыл только через три дня. Во время операции два раза останавливалось сердце – заводили. Медсестра ворчит, говорит, пока был не в себе, всё вещи свои собирал (*смеётся*).

Уже когда в Москве в госпитале Бурденко был, девушка моя из Кемерово прилетела. Я без ноги, с разорванным пахом. Она приняла меня такого. 19 декабря поженились в госпитале. Я врачей спросил про свою мужскую жизнь. Пожали плечами, ничего сказать не могут. Дети есть? Вот и радуйся.

Друзья говорят, что она из корыстных побуждений. Нет, это не про неё. Мы хотели дом купить, она уже ездила смотрела. Но в доме мужик нужен, а что я сейчас? Даже лампочку вкрутить не смогу. Решили купить квартиру. Она купила, оформила на меня. Хотя я предлагал на двоих, она отказалась. У неё нет в этом никакой необходимости. И я знаю – у нас не расчёт. Просто любовь. Я очень счастлив. У меня в жизни такого чувства не было.

Устал тут лежать, домой хочу. Но предстоят ещё операции. Надо перемонтировать ногу. Наркоз ставят, а уже, видимо, привыкание – во время операции глаза открываю. Много что крутится в голове. Воспоминания разные. Первая смерть. Вот был человек – и нет его. Не можешь это осознать. Человеческая жизнь так тяжело даётся и как легко теряется.

Первое боевое задание помню вот как сейчас. Пошли вчетвером менять пацанов в опорнике. У них ни воды, ни еды. Голод, холод. Ночь, идём туда, а самим страшно. Прилетает «Баба-яга». Мы – врассыпную. Я сижу в какой-то ямке, слышу: она надо мной зависла. Помолвился, перекрестился, попрощался со всеми. Мама, говорю, встречай, скоро увидимся. А она в 2013 году умерла. Хлопок. Я голову закрыл руками, лицом в землю. Глаза открыл – мина-«колокольчик» прямо у лица. Тогда была первая контузия. Потом второе ранение. Но я там оставался. А куда я пойду? Пацанов брошу? Они раненые воюют. А наш командир роты сержант Гоблин? Он впереди нас шёл на штурм. Кемеровский, кстати. Если бы не он, то я давно был бы «двести».

Мы все из лагерей туда попали: бурятская рота (третья) и у нас четвёртая. Буряты молодцы, они очень сплочённые. Меня же спасал Петруха-бурят. Они мне говорят, что я могу называть себя бурятом. Когда встану на ноги, снова пойду туда. Инструктором. Там ты ощущаешь себя совсем по-другому. Человеком. Мужчиной. И между людьми отношения особые.

Тут в госпитале мы подружились с парнем из Владикавказа. У него тоже ампутация ноги. Он нам на свадьбу подарил холодильник. Представляешь? Незнакомый почти человек. А потом купил мне эту коляску крутую за сто сорок шесть тысяч. Его уже выписали. Сказал: если не приедем к нему в гости, обидится. Напишите, пожалуйста, мои слова: «Братан Чех, привет!».

Иногда ссоримся с женой. Из-за расстояний, конечно. Но я ей говорю: «Ты смысл моей жизни. Что бы со мной было, если бы не ты? Грусть, тоска и депрессия. Я только из-за тебя и жить-то хочу».

Во время интервью Александр незаметно массирует ноющую культю, поудобнее приманивает вторую ногу в металлических спицах. Лишь когда речь заходит о жене, расплывается в улыбке, глаза загораются.

Мы навещали его в госпитале несколько раз. Первая наша встреча состоялась в начале мая, тёплым солнечным днём. Впереди было лето, пусть в госпитале, но оно давало надежду, что каждый новый день будет лучше и легче. Но... В августе его было не узнать. Из плюсов – начал вставать и стоять с костылями. Из минусов – похудел, осунулся, погас. Перестал улыбаться. В глазах тоска.

Его друзья оказались правы. У него закончились деньги за ранение – у неё закончилась любовь. И он потерял смысл жизни.

Андрей М., 43 года

Он парень себе на уме, не стал называть позывной, да и имя и инициалы придумал. И у него на всё происходящее имеется своя точка зрения. Любой замеченный беспорядок подвергается критике. Но в нашей беседе он избегал острых углов, и разговор больше напоминал светский треп – говорили о пустяках типа погоды и не касались серьёзных тем. Кстати, подобная обтекаемая реакция на вопросы о ранении и о передовой есть у многих ребят. Не хотят они погружаться снова в пережитое. Наверное, это тоже способ реабилитации и возвращения в мирную жизнь.

Я из Омска. На СВО по контракту с 27 апреля по 12 августа 2024 года. 35-я отдельная штурмовая бригада. Левую руку по плечо срезала «полька» (*прим. ред. – бесшумный польский 60-мм миномёт*). Меня часто спрашивают, не родственник ли я своему тёзке с телевидения. Да, отвечаю, брат двоюродный. Некоторые верят. А мне смешно и весело. Один пацан на спор сказал своим ребятам: я с Андрюхой М. бухал. Не поверили. А он меня предъявил. Выиграл спор.

Почему пошёл на СВО? Я один дома живу, мне там делать нечего. Я успел два раза отсидеть, один раз в дурке побывал (*хохочет – то ли над собой, то ли над теми, кто его туда определил*).

В госпиталях восемьдесят процентов – это штурмовики. Без рук мало, в основном без ног.

Война не закончится, пока они (*кто – не уточнил*) не наворуются. Вот скажите, зачем в палате, где люди не ходят, сенсорные раковины? На хрена меняют кровати, шкафчики? В туалете зеркала нет, ёршиков. В Бурденко всё отлично: и персонал, и препараты. А тут...

Жду протезирования руки. Когда вывозили, была жуткая тряска, я хоть ногами упирался в буханку, а второй парень – у него ноги перебиты, бедный – чуть не до потолка его бросало.

Военный билет и паспорт всегда со мной, никому не отдавал. Потеряют, потом ищи-свищи. Самое смешное: когда меня эвакуировали, в части я был объявлен самовольно ушедшим. Разыскивать стали. Даже домой к матери из военкомата приехали. Я им из госпиталя все справки отправил – без толку. Я тут, а они меня где-то ищут. Представляете?

Константин М. «Мартын», 46 лет

Он стоял во дворе госпиталя и кормил хлебными крошками голубей. Высокий, худой, неторопливый. Бывают люди, которых можно представить читателем в библиотеке, учителем в школе, бухгалтером в офисе, но никак не бойцом в окопе. Вот Константин как раз из таких – мирный, домашний.

По истории жизни его семьи можно изучать последствия распада Советского Союза. Мать украинка, отец русский. В 90-е годы всей большой семьёй пришлось спешно уезжать из Ташкента. Одна часть родни обосновалась в Белгородской области, а другая – отправилась в Одессу. Все родственники очень близкие, двоюродные, поэтому часто и с удовольствием ездили в гости друг к другу. Даже не чувствовали, что живут в разных государствах.

Первые звоночки прозвучали после пожара в Одесском Доме профсоюзов, пролегла тень недопонимания. А с началом СВО связь с ними прервалась. Константин с сожалением вздыхает, что разговаривать невозможно, им бесповоротно промыли мозги. Особенно он расстраивается из-за двоюродной сестры, с которой вместе росли и были очень дружны.

Когда-то, спасаясь от притеснений, уехали из одной бывшей республики, выдохнули, прижились, и та же беда настигла с другой республикой, с Украиной. В общем, констатирует Константин, после нападения ВСУ на соседнюю Курскую область вместе с приятелем решили пойти её защищать. Добровольно. Пришлось, говорит, заходить на СВО через центр «Авангард» в Москве. Но попали в итоге в Луганскую область, хоть и просились в Курскую.

Скажу честно, мой патриотизм сильно упал из-за отношения к нам инструкторов в Рогово. Там я получил травму колена. Мне её помогли получить. Старшина подтянул к себе четырёх человек, приблизил их, чтобы легче было нами управлять. С ними и был конфликт. Некоторым из нас даже приходилось спать на полу, особенно старикам. Я спускался с «Урала». Один из этих четверых толкнул меня в спину, и я приземлился с этой высоты на колени. Произошло отслоение мышцы – сильно хромотал, но в медсанчасть не отпускали. Впечатление, что от нас просто хотели избавиться.

Недалеко от Краснореченска сеть блиндажей, нас там тренировали. В конце октября меня отправили в так называемую «деревню» – это тоже сеть блиндажей в двадцати километрах от нас. Встретил там земляка из Старого Оскола – Тимоху. Он позвал доктора, тот поставил обезболивающий укол. Потихоньку начал хромотать по этой деревне. Мой блиндаж – точка «Смерч». Тимоха на мотоцикле «Урал» – там вместо люльки ящик приделан – возил еду и воду. Пробыл я с Тимохой месяца полтора. «Комики» курсировали постоянно. Я его по радиации предупреждал о них.

У меня была война с этими «комиками». Как-то иду с тачкой по тропинке, задумался, слышу: что-то жужжит. Пчела? Шмель? Вроде уже не должно по сезону-то. Встал, поворачиваюсь – «комик» метрах в полтора от земли. Я давай вокруг тачки бегать. А потом в кусты акации запрыгнул, а там шипы. Но с испугу на адреналине не заметил ни одной колючки.

Наша задача была встречать бойцов пополнения, тянуть (*выводить*) их на позиции и нести продуктовку В конце нашей посадки дорога, а метрах в трёхстах от неё хохлы. Я ходил в одну сторону тысячу двести метров и обратно. Носил в мешке воду, еду, сигареты.

Первый снег выпал 2 декабря. Есть золотое время между ночью и утром, когда «комики» меняют глазки² и можно проскочить. А напарник пошёл чуть позже и не вернулся. Я его нашёл.

² Здесь, скорее всего, имеется в виду смена самих БПЛА, а не каких-либо «глазков» на них. Потому что обычно на аппарате стоит одна камера, которая либо снимает только в светлое или только в тёмное время суток (тогда аппараты надо чередовать), либо переключается в дневной или ночной режим, и тогда никакой смены не происходит. (*Прим. ред.*)

Он лежал на животе, в глаз вошла ветка. Весь мешок на спине изрешечён осколками. Я закрыл ему глаза.

Пятое декабря я считаю моим вторым днём рождения. Три дня после гибели напарника я был в блиндаже один. Поступил приказ идти за людьми. Темно, ветер очень сильный. А у меня предчувствие плохое. Но выдвинулся. Место, где обычно забирал, уже начали накрывать артой. Ну, встретил парней, пошли. Парни фонариками светят. Я потерял курс, мы сбились с тропинки. Темень без луны, а светить нельзя. Хохлы увидят – накроют. Идём. Я осмотрелся – вернулись на тропу. И тут дрон. Прыгаем в стороны.

У молодых срабатывает стадный инстинкт испуга: они в одну сторону, я в другую. Первый сброс – у меня пробита нога. Я командую: «Бегом! Бегом!». Отбегаю метров на десять, падаю. Снял ботинок, вылил кровь. Только натянул – уже опять набежала. Я жгуюсь. Зову пацанов, один кричит: «Мартын, сюда!». Тут два кассетных снаряда – и тишина. Никто меня уже не зовёт. По радиации спрашивают, что у нас произошло. Дают команду на откат. Пошёл за ребятами – оба «двести». Я им глаза закрыл. Там меня снова встретил «комик». Я понимаю, что надо делать даже невозможное. У меня были хорошие учителя: Тимоха и Батыр. Поймал второй сброс. Чувствую – рука. Но пока ещё живой.

Надо идти строго по тропинке, потому что яр весь заминирован. Но по тропинке это дольше. Я решил скоротнуть путь и идти через яр. Иду и понимаю, что падаю. В глазах сереет. Упал на колени. Перед глазами жена, дети. Какое-то упорство появилось, назло врагу: ни фига, я вернусь домой! Пополз. Я иду к семье. По радиации говорю: «Ребята, дайте вектор движения». Они калашами стрельнули, фонариком мелькнули. Моя ошибка, что после второго сброса я не дождался, когда «комик» улетит. Я пополз, и он меня, зараза, настигает снова. Я заполз в кусты тёрна, думаю: заряд за ветки, может, зацепится. Он скинул сброс – прилёт в попу. Потёк ещё и оттуда. Меня вырубил. Не знаю, сколько времени прошло. Очнулся, когда заковенели руки-ноги. Я пополз на бугор. Дополз до ребят. Они удивились: «Как ты через мины прошёл?». Ползу дальше. Парень с эвакуации говорит: «Я тебя не потащу, иди сам». Говорю: «Иди, а я буду ползти».

Колени стёр до мяса, они замёрзли. Я нашёл для себя плюс: кровь из попы стекала, грела мужской орган. Сам себя утешал, что хоть его не заморожу. До деревни восемь-десять километров. Я полз, а парень шёл рядом. До командирского «блинчика», ну, блиндажа, уже не дополз – отключился. Очнулся – доктор рядом, по лицу бьёт. Забинтовали, на носилках тащат. Он меня колет, спрашивает: «Где твоя кровь?». Я ему: «Поверни меня на бок, посмотри». Он поворачивает: «Откуда ты знаешь?». А у меня через дыру от осколка вышел кал. В госпитале меня на гинекологическое кресло уложили. Спрашиваю доктора, что там. Отвечает: «Дырка – как норка хомячка. Куриное яйцо засунуть можно».

Пять месяцев по госпиталям. Опухоль злокачественная образовалась, почку удалили. Позвонки при падениях хрустели. Осколки в кишечнике погуляли хорошо. Сейчас вот стома выведена. За один вечер в течение тридцати минут получил три сброса. И двенадцать часов полз. Знал, ради чего. Супруга рвалась приехать, но я запретил. Она в Москве просто потеряется. Я больше за неё волноваться буду.

Он замолкает, смотрит в окно, за которым, держась друг за друга паровозиком, со смехом гоняют на колясках пацаны.

Владимир К., 28 лет

Накануне Дня Победы атмосфера в госпитале особенная, приподнятая. Нам с девушками-волонтерами пришлось ждать окончания концерта для раненых бойцов. Но Володя пришёл вовремя. Лихо подкатил на коляске и круто затормозил. Юный, румяный, совсем мальчишка. Но, оказалось, ему уже двадцать восемь лет. И ответственный – до СВО работал юристом у себя на родине, на Алтае. Он немногословен, отвечает односложно, как будто всё время настороже.

Детдомовец. Нет, он не сирота. Отец умер, но где-то там живёт мать. Сыном не интересуется, нет до него никакого дела. Раньше она пила, её лишили родительских прав. Сейчас матери шестьдесят лет, не пьёт. Володя даже с ней встречался, но больше не хочет. Есть старший брат, с которым они тоже не общаются. Володя рассказывает об этом буднично, без надрыва. Кажется, он давно это прожил, пережил и принял, но это не так, конечно. Здесь, в госпитале, человек особенно остро нуждается в близких людях, в их любви и заботе. Поэтому он очень хочет создать свою семью. И даже дал объявление на сайте знакомств. «Что тут началось, – смеётся он. – Начали писать охотницы за деньгами, они ищут эсвэошников, чтоб гробовые и за ранения получить. Я уже никому не отвечаю».

Пошёл я на СВО добровольцем. Служил инженером-сапёром. Самое страшное для меня было в Авдеевке. Первое БЗ. Шли четыре километра по канализационной трубе диаметром сто шестьдесят сантиметров с полным комплектом, оборудованием. Выходили из трубы, бежали в укрытие. Тогда много моих товарищей полегло.

Прослужил десять месяцев. И в госпитале уже десять месяцев. Поехали на БЗ на баге (*багги*). Дрон пробил колесо, и мы на скорости врезались в бетонную стену, она вдоль промзоны шла. Ноги мне зажало. Разжимали долго, несколько часов. Врачи старались спасти, не сразу ампутировали. Но одну пришлось выше колена всё-таки отрезать, вторую вот на аппарате Илизарова пытаются сохранить.

Ужасно всё это. Я не могу смириться. Ходил, бегал, везде на ногах. А сейчас не хожу. Уже девятая операция, очень тяжело. Всё прокручиваю в голове тот день, как будто хочу вернуть его и изменить. Хотя понимаю, что ничего изменить нельзя. И это давит на психику. Вот так и живём. Я всё равно не жалею, что добровольно пошёл на СВО. Да, без ноги остался. Но появилось другое – осознание ценности жизни. Хотя, как ни крути, война страшная вещь.

Планы у меня простые. Хочу обосноваться в Москве, купить квартиру. Девушку хорошую найти. Надеюсь, всё получится.

Смотрит вопросительно, словно я, взрослая, точно знаю ответ. Конечно, получится. Иначе и быть не может. Без диктофона мы говорим о предстоящих операциях, о пребывании в госпитале. Его хотели перевести в другой, это обычная практика, но он отказался. Его тут всё устраивает: врачи хорошие, внимательные. Как будто обрёл дом, пусть и временный. В разговоре он обронил, что сейчас пенсия по инвалидности у него семь с половиной тысяч рублей. Мне показалось, что я ослышалась, даже переспросила. Не ослышалась – так и есть.

Алексей Д. «Доцент»

Алексею пятьдесят один год. Зная, какие тяжёлые ранения и заболевания ему пришлось пережить, я поразилась: на встречу из палаты в холл пришёл собранный, щеголеватый молодой мужчина. На коляске – но выправка! Совершенно особая офицерская статя. Он и смотрел на меня соответствующе: чуть отстранённо, с лёгкой снисходительностью. Имеет право. Я попросила рассказать о ранении, а он отмахнулся, мол, это частности, ничего особенного. Куда интереснее сама война, в которой он с 2014 года.

Некоторые его суждения, на мой взгляд, спорны, но Алексей их выстрадал, будучи активным участником событий, и потому это правда о войне человека чести и большого мужества.

Родом Алексей из Волгоградской области, верхнедонской казак. С 2014 года сменил всего две части. Гвардии капитан, заместитель командира разведбата. Ранение получил при штурме укрепов на железной дороге Соледар – Северск. Перебит спинной мозг в районе одиннадцатого и двенадцатого позвонков. Пулевое в живот. Насквозь пробитое лёгкое. К тому же при перевозке в Вороново его в холод на несколько часов забыли в машине, загубили мочевой пузырь и почки, из-за чего в госпитале он задержался надолго. Уверяет, что сейчас всё нормально.

У меня в институте была военная кафедра, а в 2014–15 годах была крайняя нехватка офицерских кадров, и таким образом я оказался там. Мы от «конторы» заходили.

Пересекая «ленточку», ты попадаешь в мир мёртвых.

Я знаю про эту войну всё. Знаю, что из себя представляют люди. Войну надо понимать. А люди тут, в мирной жизни, не понимают. Например, военкор Поддубный понимает. Это калька с Великой Отечественной войны, сейчас то же самое, что и там. Только масштаб и оружие разные. А психология бойца и командира – всё те же.

Под Яковлевкой я видел поле, усеянное трупами наших штурмующих солдат, разбитую технику. В армии не любят Жукова за «мясные» штурмы. Любят Рокоссовского и Конева. Фронтовики не понимают: почему есть медаль Жукова и нет медали и ордена Рокоссовского? И сейчас есть такие же командиры – кладут людей тысячами. Есть бездарные и гениальные командиры.

У нас очень хорошая пехота, очень хорошие солдаты. Вся война держится на них. Они великолепные, идеальные. Лучше в мире солдат нет. Они не профессионалы, их дёрнули из мирной жизни, но они очень быстро учатся. Я принимал пополнение – мобилизованных из Белгородской области. Держали оборону под Северском, а через полгода они фронт прорвали. Высочайшее качество человеческого материала.

Война – это мир мёртвых. Кто этого не понимает – едет, к примеру, за деньгами, – они умирают. А мёртвым деньги не нужны. Ты даже думать о них там не должен. Те, кто с первых дней там, это знают, понимают суть войны, почему они туда попали. Новоприбывшие не понимают этого, они из мирной жизни, их туда засунули, и у них каша в голове. Вот были контрактники, ещё до войны. Хотели жить хорошо: ГСМ подворовать, заработать, купить квартиры, машины. А только заехали на передовую, и сразу получили по ушам. И не понимают, за что.

На войне всё сжато, насыщено. За сутки можно сто лет прожить. Здесь свои законы. И всё движется только по этим законам. Их надо чувствовать и понимать. У меня были друзья: майор А. и старший лейтенант Л. Они тонко чувствовали и понимали войну. Много воевали. Интуитивно знали, куда можно идти, а куда нет. Я думал, их нельзя убить. А погибли. Она пришла за ними и забрала их. Если тебя любит война, она, как ревнивая женщина, не отдаст тебя, заберёт.

Я видел огромное количество смертей за эти десять лет, целый город можно собрать. Кому-то глаза закрывал, кого-то просто не мог спасти. Не верьте тому, кто скажет, что мёртвые приходят, что у него ПТСР. Их нет, этих людей, ранимых одуванчиков. Здоровый человек какой пришёл на войну, такой с неё и уходит. И страх он умеет преодолевать. Я считаю, маркер чистоты крови – это как ты чувствуешь себя на войне.

Нас обучали спецы: любое изменение сознания – алкоголь, наркотики – ведёт к гибели подразделения. Мысли не было, чтоб что-то такое. Да, можно поехать в баню, напиться, накуриться, но сутки, и всё. Работу надо любить. Нас учили получать от неё удовольствие. Кто войну не любит, тот на ней долго не живёт. Если её не любить, она отомстит. Простая логическая цепочка: не любишь работу, значит, делаешь её халатно, а это ведёт к ошибкам и промахам. А промах на войне – это гибель твоя и окружающих. Люди курить бросали, чтобы время и мысли отдавать не своим зависимостям, а целиком посвящать войне. Нельзя воевать и не отдаваться процессу на сто процентов. Если не будешь этого делать, то жизнь твоя коротка. Полная сосредоточенность. Первая мысль – верная. Начал сомневаться – погибнешь. Много всяких нюансов.

На войне не думают о смерти, люди просто живут. Они умерли для этой жизни, чтоб жить в мире мёртвых. Живут по его законам. Там всё: от вершин духа до полного падения. Там не думают о деньгах и карьере даже те, кто пришёл за этим. Только жить, выжить любой ценой. Я видел, как полковники паниковали, они не думали о деньгах. Я видал конченных негодяев и подлецов, командиров-трусцов, которые при обстрелах бегали, кричали, заставляли солдат рыть блиндажи, но даже они не думали о деньгах. Только о том, чтоб выжить.

Из того мира не возвращаются. 9 Мая – это праздник мёртвых: тех, кто погиб.

Я попал на войну в первую чеченскую кампанию. Вернулся, думаю: ну, был и был. А через полтора года начались психологические фантомные боли, мне стало чего-то не хватать. Я стал задумываться: что происходит с человеком, вернувшимся оттуда? Нет, к нему не приходят мёртвые, это всё чепуха. И знаете, что я тогда понял? Не хватает ясности и любви.

Война – это большая любовь между людьми. Там всё просто: вот твой окоп, между людьми нет различий, все твои братья. Они тебя любят, и ты их любишь, они готовы отдать за тебя жизнь, и ты – за них. Это высшее проявление человеческой любви. И когда люди возвращаются, а в мире живых этого нет – вот это самое тяжёлое. И ты пытаешься как-то жить.

После чеченской кампании, чтобы заполнить эту пустоту, я кандидатскую написал и защитил. Я не пил, а кто-то запивал. У меня был товарищ. Спрашиваю: «Ты что будешь делать, когда война кончится?». Он говорит: «Пить буду, пока новая не начнётся». Нельзя прийти с войны. Вы оставили там такую ценность, которую вам не возместит мир живых. Ничем он не может порадовать. Ничто не перекрывает тех эмоций, чувств, адреналина. Здесь их не получишь никогда. Мир живых не даст вам этого.

Мы – люди войны. Знакомый полковник – рука искалечена взрывом гранаты и глаза одного нет – приезжает, тренирует. Спрашиваю: «Что ты ездешь сюда?». А он: «Понимаешь, я не могу без этой движухи. Я “за ленту” выезжаю и начинаю пить». Я сначала не поверил. А потом увидел своих офицеров, у которых шизофрения на этой почве. У меня есть летёха (*лейтенант*): это два разных человека – на войне и вне войны. На войне он не пил, не курил, собранный, прекрасный офицер, просто эталон. Орден Мужества у него, медаль «За отвагу», а вне войны он как бомж валяется на пляже в городе Сочи с употреблением всех веществ, которые только можно употребить. Пока его не отловят, не поймают, не приведут в чувство. И стоит ему только приехать на передовую, всё, как боевой конь, ноздри раздул, форму надел – другой человек. Ему нельзя в мирную жизнь. На войне его ничто не убивает. Ранение – да, может быть, но не смерть. А мирная жизнь для него смертельна.

Идя на войну, не надо жениться. Потому что иметь современную жену – это ты себе ещё одну пулю пускаешь в лоб. Ты там будешь мучиться. Не дай Бог тебя ранят. Тогда девяносто

пять процентов, что тебя бросят. За три года я видал жён, которые ухаживали за тяжелоранеными мужьями от начала и до конца и не собирались их оставлять, прямо до талого, не более десяти. Всех остальных парней жёны просто побросали.

Я был три раза женат, и на полном серьёзе скажу: все люди, которые там были, меняются... Не может женщина делить мужчину с войной. Ему надо в эту сторону, мирную, но у него не получится. Женщина выходит замуж за одного, а он возвращается уже другой, внутренне он там остался, на войне. Ей это тяжело понять – невозможно. Мир мёртвых сильнее мира живых. Туда ты можешь заехать один раз и уже не выедешь, не вытащишь себя обратно. Война всегда будет с тобой. Это психология высокого порядка.

Есть народы, у которых имеется эта психология, а есть такие, у которых её нет. Они никогда ни одной войны не выиграют, просто им не дано. Почему мы никогда не проиграем в войне ни одному народу мира? Мы можем со всей Европой, включая Америку, воевать. Даже на данный момент мы победим. Да, нам это будет стоить миллионов жертв, но мы выиграем. Вопрос именно психологии. Потому что мы можем зайти в мир мёртвых, а они не могут. Они тащат мир живых туда: деньги, выгоду, комфорт, материальное благополучие, тащат какие-то свои низменные желания, месть, стремление возвыситься за счёт чего-то. Но это там не работает. Либо работает против тебя. А у нас даже у тех, кто три класса с коридором, с тюрьмы пришли, есть понимание этого на интуитивном уровне. Не говоря уже про людей грамотных, с образованием, кто просто задумывается, как мир устроен. Поэтому враги никогда у нас не выиграют.

Мы интуитивно понимаем, что война – это самоорганизующийся процесс. Мы чувствуем, как работают все её шестерёнки. Противник ценит свою жизнь и в грош не ставит жизнь другого. На войне после первых боёв зацепляются шестерёнки, когда человек воюет уже за соседа, за Петю и Васю. У нас это по щелчку происходит, на подсознательном уровне.

В общей массе у нас нет жестокости. Встречается, конечно, но индивидуально. Даже с пленными, которые всегда проблема, – геморрой. Они нам не нужны. У меня луганчан было очень много в части, и офицеров, и солдат. Они гуманнее относятся, особенно к тем хохлам, которые с Луганщины, разговаривают с ними. Если пленный не нужен, я своим говорил, чтоб в плен не брали, не надо. У меня был начальник разведки, парень из Северодонецка, он воевал с пятнадцати с половиной лет, ему сейчас двадцать четыре года всего, командир батальона. Всю сознательную жизнь на войне. Он настолько замученный этой войной, он ничего в этой жизни не видал. За всё это время у него только один год был перерыв на мир, говорит – самый счастливый год. А остальное война. Вот он их жалел, всегда выяснял: кто, что, разговаривал с ними, чай пил. А мы, с России, прагматики: не нужен пленный – не берите, потом сами замучаетесь с ним. Зачем это надо? Есть даже поговорка: избыточный гуманизм к врагам приводит к избыточным смертям друзей.

У меня есть награды: медали «За отвагу», Жукова, представлен к ордену Мужества, есть Баклановский крест. Я служил в Баклановской части. Своеобразное подразделение. Вообще всё, что под чёрным знаменем³, – это своеобразные подразделения. Они так изначально родились, ещё в период кавказских войн 18–19 веков. В полк Якова Петровича Бакланова набирали только добровольцев, и люди, когда уходили, сразу писали завещание. То есть они отрекались от этой жизни, переходили в мир мёртвых.

Очень много хороших людей, которых я любил, ушло. Большие потери на самом деле. Сейчас идёт экзистенциальная война – за цивилизационное выживание. Столько мужчин хороших гибнет. Конечно, это удар по демографии.

³ Имеется в виду знамя генерал-лейтенанта Якова Петровича Бакланова (1809–1873): на чёрном фоне белая Адамова голова (череп со скрещенными костями) и вокруг неё цитата из Символа веры: «Чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века. Аминь». Обычно пишется на церковнославянском. (Прим. ред.).

Вопрос, к чему мы это делаем. И должен быть виден свет в конце тоннеля. Мы все воюем за Родину, и без разницы, какой у тебя шеврон.

Интересный момент. Исторические процессы привязаны к местности. Как нитка такая идёт: Запорожье, Донбасс, Гуляйполе в Гражданскую войну 1918 года, и то же самое было в 2014 году. Порой у меня дежавю случалось, будто я на машине времени переместился: те же земли, те же люди, то же поведение, те же папахи, тачанки. Всё это скачет, прыгает. Казаки, махновцы, белые (регулярная армия). Персонажи, эти атаманы, атаманчики всех мастей. Я по роду службы был со всеми знаком. Они не нужны, они должны были все погибнуть. Это люди одного дня. Когда начинали, они вообще не думали ни о чём. Вот они пожили ярко, богато: кабаки, рестораны, а завтра умерли. Они понимали это прекрасно. Хотя думали, что можно с властью как-то договориться. Павел Д. через линию фронта уголь продавал хохлам. Его пару раз вывозили в Новочеркасск объяснить, что так делать нельзя, он так и не понял – в конце концов погиб. Другой в Алчевске воровал гуманитарку. Там много таких было. Но честно скажу: это настолько захватывающе было, как на машине времени скататься.

Во всех этих событиях интерес вызывали люди: почему ведут себя так или иначе, почему осознанно идут на смерть.

Мы непобедимы. Не потому, что у нас оружие какое-то современное или ещё что-то, нет. Победа либо поражение – это в голове. У нас нет в голове поражения. Любые войны на выживание мы всегда выигрывали. Для нас немыслимо проиграть. Мы и эту войну не проиграем. У них там люди кончаются, наступать они уже не могут. Они с трудом великим ведут оборонительные операции. Ещё полгода, и они побегут. Их спасают, пытаются за уши вытащить из поражения. Даже не хохлов, а Европу, потому что поражение означает передел мира. Это же не война за Украину. Кому она нужна, эта Украина?

Нам нельзя останавливаться, иначе нашим детям придётся воевать. Надо упираться и идти дальше. У нас прекрасные солдаты, которые могут всё сделать. Они в тяжёлый 2022 год не думали о поражении. Когда армия бежала, она бросила луганских ополченцев в железных касках, с винтовками Мосина в окружении на Харьковщине. Они не сдались, пробивались лесами, полями, героически воевали. Они реально герои. Почти все погибли, остались единицы. Там от полков оставались только штабы, командиры, а самого полка нет. Но даже тогда, в 2022 году, не было ни у кого мысли, что мы проиграем.

В Спорном легла 4-я бригада и 7-я. Безумные накаты в течение года каждый день. Белая гора – это наш Мамаев курган, страшное место. Много ребят осталось на этом карьере. Там и сидели на мёртвых, и укрывались мёртвыми. Комбриг запретил эвакуацию, и люди были обречены. Гибли даже с лёгкими ранениями. Их можно было подлечить, но им запретили оттуда выходить. Выходи сам, никто тебя забирать не будет. Ты живой, руки-ноги шевелятся, но ты обречён. Да, и такое было.

После госпиталя продолжу служить, инвалидное кресло не помеха. Монитор дома поставлю. Буду замом военкома. Я же офицер.

Андрей Н. «Немец», 42 года

Андрей немногословен, редко улыбается, под густыми пшеничными ресницами прячется грусть. Деловой, надёжный. Когда заметил, что у меня образовалась пауза между встречами, вышел из гостиняльного кафе и привёл на разговор парнишку. Спросила, как он его уговорил. В ответ хмыкнул, мол, а у него не было выбора. Ну не юморист? Он из тех, кто открывается не сразу, а постепенно. Парень не нараспашку. Я бы его определила как человека скрытого обаяния. Скрытого, но настоящего.

Родители расстались, когда мне было три года. Меня забрал отец. Он умер, и с девяти лет я стал жить с бабушкой. А в тринадцать старшая сестра меня в город забрала, в Екатеринбург, оформила опеку. Она работала на троллейбусе, ей некогда было за мной смотреть. Короче, хулиганил, рос на улице. Это 90-е годы. Закончил школу, ПТУ по специальности электросварщик, слесарь-сборщик металлоконструкций. Я долго был обижен на мать, что рос не с ней, а потом вроде отпустило. Да, она жизнь дала, а так – что есть, что нету её. Иногда видимся. У неё семеро детей, я самый младший. Из-за моего образа жизни – я часто нарушал закон – много лет не общалась со мной и сестра.

В общей сложности на ЛБС провёл год. Первый контракт был с «Вагнером». Мне оставалось сидеть полтора года, можно было выйти по УДО, но я решил пойти на СВО. И не жалею. Я стал другим человеком. Вернулся через полгода, побыл в отпуске и снова пошёл в «Вагнер». После известного похода на Ростов нам дали выбор: либо ехать в Беларусь, либо контракт с Министерством обороны. Выбрал второе.

Да, что касается хохлов, типа – есть неубиваемые. Вот когда зашли в Бахмут, там целые лаборатории были. В подвалах наркотиков каких хочешь. Мы сжигали всё. Нет, пробовать не пытались. Алкоголь, наркотики, мародёрство, насилие – у нас в «Вагнере» это всё под запретом, вплоть до расстрела. Иначе не было бы порядка. Хохлы на наркоте воюют, в изменённом сознании. Не чувствуют боли при ранении. А раз человек ничего не чувствует, он себе помощь не оказывает. Ну, значит, быстро гибнет.

Ранение – закрытый перелом малой берцовой кости и осколок – я получил уже на контракте с Минобороны. Как раз после Суджи мы в Олешню пошли. Я был командиром отделения штурмовиков. Мне вообще сказали: ты счастливчик, у тебя ангел-хранитель.

Там я нашёл себя. Побывавши «за ленточкой» раз, уже хочется снова. Приходишь оттуда, а у тебя внутри всё изменилось, ценности жизни поменялись, мировоззрение. Я когда приехал оттуда, с войны, сестра встретила, сказала: «Знаешь, если бы ты просто освободился, я бы, может, с тобой не стала встречаться. А так как ты пошёл туда по собственному желанию, пришёл оттуда... Бог дал тебе ещё один шанс». И так мы с ней восстановили отношения.

Сейчас мне не интересны друзья и знакомые из прежней жизни, я перестал с ними общаться. Они говорят: ты внешне вроде тот же, но внутри другой человек. Мне самому это нравится.

Когда погибают твои товарищи, с которыми буквально только что чай пили, кусочком хлеба делились, шоколадкой, это реально страшно. А потом привыкаешь к этому, как к обыденности, и стараешься не привязываться к людям. Просто есть работа у тебя, ты и работаешь. Не стало человека, другой появился. Но всё равно иногда сидишь, задумываешься обо всём, в голове прокручиваешь воспоминания. Тяжело. А поделиться – с кем? Не с кем.

У меня есть друзья. Если бы не они... Когда я вернулся после второго контракта, не мог найти себя. Там поработал, тут поработал, короче, появились уже мысли снова заняться старыми неправильными делами, тем более – опыт есть (*улыбается*). А тут 9 мая случайно встретился с будущими друзьями. Мы познакомились у памятника воинам-афганцам и чеченцам,

«Чёрный тюльпан» называется. Я встретил людей, с которыми, оказывается, рядом по Бахмуту и Попасной шли. Там я у них поддержки просил, они у меня поддержки просили. В лицо-то там не видишь никого, на расстоянии всё. А тут увиделись, познакомились, разговорились, они тоже с «Вагнера». С тех пор мы стали общаться, и у нас получилась такая ячейка общества, мы как родня. И занялись гуманитарной помощью. Ездили в детские дома, по школам, покупали подарки всякие. Сначала за свой счёт, потом нам стали помогать. И вот так выросли, сейчас поддерживаем многих бойцов. Хотя я здесь, в госпитале, но всё равно участвую в помощи. В своей группе мы все чем-то связаны: у одного друга жена в военкомате работает, другая девушка снайпером была. И вот так по любому зову, неважно, где ты, ночь, день – тух! – полетели все.

Вот и общаемся, понимаем друг друга. Эти девушки сейчас говорят: вернёшься, расскажешь нам, что и как. Я им: «Если я вам расскажу, а вы женщины, вы такие эмоциональные, импульсивные, потом вам придётся к психологу ходить. Зачем? Так что мы уж мужским коллективом выпьем и поговорим».

Подписал с ВДВ контракт, 11-я десантная штурмовая бригада «Чёрные волки». Мы Суджу брали. Шли параллельно трубе. Парни шли по трубе, а мы рядышком, через Мирный, брали его. У меня флаг висит в палате над кроватью, я с ним 11 марта прямо на площадь в центре Суджи выходил. Меня даже по телевизору показывали. И меня «родня» увидела, хотя там буквально пятнадцать секунд. Я вышел на связь, они обрадовались и поехали отмечать.

Мне иногда знакомые говорят: вот, вы убийцы, вы людей убиваете. Отвечаю: каких людей-то убиваю? Людей я не убивал. Врагов – да. А людей ни одного. Мирных сколько выводили народа. У меня друг ребёнка маленького тащил, по ним стрелять начали. Он просто упал, закрыл его собой. Его броник спас. Дети, женщины, бабушки, старики – мы свои бронежилеты на них надевали, потому что по ним стреляли. Когда выводил людей, видно, как они к тебе относятся: режут, плачут, обнимают.

Люди рассказывали: в Судже, когда эти зашли, с Украины, губернатор вывез сначала оттуда всю знать – чиновников, бизнесменов. Короче, их эвакуировали. Они все знали за два месяца, что это всё случится. Там был ветеран Великой Отечественной, девяносто семь лет, и губернатор три раза приезжал к нему, уговаривал уехать. Тот отказался. А жители спрашивают: «А с нами-то что, если стрелять будут?». Он ответил: «Решайте сами». И уехал. Ветеран умер, его похоронили в общей могиле.

Заходили в Курскую область в основном наёмники: поляки, американцы (натовцы), грузины. Украинских солдат было мало. Там раньше в доме престарелых жили больные, кому помощь нужна была, и туда перебрались мирные жители. Так вот, когда мы заходили, враги дом этот вместе со всеми подорвали, завалило всех: девочек маленьких, женщин, стариков. Когда они уезжали, расстреливали всех, кого видели. Такие они «люди».

После Суджи мы дальше ушли, в Гончарное, а Олешня, получается, на высоте, до границы метров семьсот. Нам надо было взять её, а снизу тяжело. Мы пошли в обход, по болотам, речки переходили. Шли ночью, надо было до обеда успеть. Сколько убитых наших солдат по дороге лежат... Форма уже истлела, только по жетонам ВС (*Вооружённых сил*) можно узнать. Их не могли в тот момент забрать. Мы дошли туда, закрепились. До крайней точки – до границы – нам четыреста метров осталось.

Когда нас обстреливали, мы три ночи подряд укрывались в воронке под деревом, ветки положили и лежали. «Баба-яга» летала, старая, бензиновая, вот у неё звук... хуже пилы. Кассеты, арта, стволка. И так наш участок накрыли, что в голове мозг как у собаки-болванчика бултыхался. Надо мной с дерева уже ветки трещат, падают. Думаю: всё, сейчас уже накроет. Глаза закрыл, жду. И тут вдруг тишина, минута, пять... Глаза открываю – тишина. Я командира по рации вызываю, узнать, кто живые, неживые. Все ребята живые.

Наш взвод оттянули. 21 апреля мы приехали в Мирный, в баньку ходили, помылись-попарились, с родными на связь вышли. Четыре недели на связи не были, нас уже все потеряли. А рано утром нас на задачу отправили. Поехали на БМП тремя группами. Надо было в лесополке закрепиться. Разъехались по разным направлениям. Пока БМП отработывали, мы выгружались. Две уехали, одну сожгли хохлы, но ребята живые остались. Только зашли в лес, и «Бабы-яги» – мы их называем «костлявые» – как будто ждали, висели там. Фипивишки, дроны, миномёт, арта – всё в кучу давай по нам работать. В лес начали углубляться, там нас и ранило.

Там был окопчик крытый, типа блиндаж такой буквой «Г». В нём голоса слышны. Мы две гранаты туда кинули и давай в него залезать. Внутри сидели четыре хохла, их гранатами немножко ранило, контуженые были, кричат: «Не стреляйте, мы свои!». Спрашиваем: кто такие, подразделение, позывные. Те молчат. Мы их расстреляли прямо там. А окопчик примерно полтора на полтора. Мы в него заползли, вылезти не можем, по нам работают: сбросы, миномёт стреляет. Так шесть человек просидели восемь часов на этих трупах.

Потом эвакуация пришла, нас хотели до утра продержат, не могли подъехать. И командир роты отправил своего водителя на квадроцикле. Первый раз он заблудился, чуть к хохлам не уехал. Обратный поехал, колеса пробил на минах. Выждали интервал десять – пятнадцать минут, я по рации выхожу, уже потеря крови была. Ротный кричит, чтоб ждали, что приедет Татарин. Он приехал. Слышим – гул такой, думаем – всё, опять начинается. Оказалось – квадроцикл. Пацаны, которые целы были, нас четверых вытащили, положили и увезли. Потом ещё двоих ранило, и их привезли. Когда мы сидели в окопчике, мы бронешилетами закрывали вход, а когда нас увезли, там ребят мало осталось, бронешилетов тоже. И дрон туда залетел. Уже в госпитале в Курске мы с пацанами встретились. По позывным узнали друг друга. Из тридцати человек нас оттуда живыми вернулась половина. Но мы свою задачу выполнили.

В моей группе пулемётчиком был боец с позывным «Мот». Но на этом БЗ мы оказались в разных группах. Он на меня смотрит, говорит: «Я не хочу без тебя идти». И у него взгляд потерянный, пустой. Спрашивает: «Мы вообще вернёмся живыми?». Я ему: «Ты что, конечно, вернёмся. Всё хорошо будет». Он как будто предчувствовал... Прилёт был точно в него. Ноги оторвало, и ничего не смогли сделать. И второй с ним, Бывалый, тоже «двести». Я в госпитале был, жена Бывалого мне написала. Я спрашиваю: «Откуда у вас мой номер?» – «Я деньги вам переводила. (А мне на карту деньги переводили, мы закупились необходимым). Вы не скажете, что с моим мужем?». Отвечаю, что не могу ничего сказать, мы с ним в разных группах были. Хотя знаю, что он «двухсотый», но нам нельзя говорить, пока человека не привезут, тело не вынесут. До тех пор считается без вести пропавшим.

Эта война с точки зрения технического прогресса – вообще подлая война. Когда ещё в Бахмуте были, начало 2023 года, всё по-честному происходило: стрелковый бой, миномёт, арта, между собой перестреливались, но не было того, что сейчас творится. Фипивишки, дроны начали появляться в мае–июне. «Истерички» так называемые. У них звук такой, истерический, на нервы действует. Сейчас только успевай следить за небом и смотреть под ноги. Не война, а охота на людей.

Сейчас я не думаю, как жить, когда всё закончится. Может, переведусь в Африканский корпус. Потому что не представляю, чем заниматься в мирной жизни. Надо будет семью заводить. А для меня это самое страшное: надо брать ответственность за тех людей, которые с тобой живут. У меня нет такого опыта: женат я не был, детей нет. Всю жизнь в мужском обществе, в котором надо выживать. Дашь слабинку – тебя просто съедят. Что там, в тюрьме, что тут. Привыкаешь к этому. Может, я просто привык к одиночеству? Я никогда не знал, что такое жить в семье.

Без диктофона Андрей был более откровенным. Даже показал видео, которые они снимали там в передышках между штурмами, в дороге, в окопном быту. Меня особенно зацепило

одно, с тремя пленными «айдаровцами»: двое с виду – обычные мужики, работяги, третий стоит между ними – офицер, смеётся, улыбается, явно под чем-то. На мой вопрос про их судьбу Андрей промолчал. А когда спросила: «Не жалко их?» – он ответил ровным, спокойным голосом: «А что их жалеть? Я же видел, что они с нашими творят».

Р. S. Он снова там. После госпиталя съездил домой, восстановился и ушёл «за ленточку».

Аброр Э., 32 года

Живой, открытый, улыбчивый черноглазый парнишка лихо подрулил на коляске, представился: «Аброр». Родом из Узбекистана, но с восемнадцати лет живёт в России. На родине учился в специализированной школе с военной подготовкой. Говорит: жил вдали от родителей, очень страдал, но школа закалила характер, дала очень хорошую физическую подготовку, потому по жизни он ощущает себя воином. К своим тридцати двум повидал многое, пережил личную семейную драму, о которой попросил не упоминать. При всём этом в нём совершенно нет цинизма, он так же открыт миру и людям.

Когда я в Россию приехал, меня ребята кинули на восемь тысяч долларов. Я остался без денег, жил на вокзале три месяца, как бомж. Нет, я не пил, не курил, просто у меня одежда была грязная. С бомжами спал, ел на помойках. Я даже привык уже так жить. Но однажды ко мне подошёл один татарин и предложил работу. Вот он и ещё азербайджанец, они меня оттуда вытащили. Обучили меня всему, чтоб я мастером стал. Конечно, я очень старался, стал хорошо зарабатывать. Работал, строил дома, дачи – всё могу делать руками. Россия мне всё дала, мне здесь очень нравится. Я с самого начала хотел жить как русский.

Десять лет я не был дома. Съездил в 2023 году и решил, что я больше в Узбекистан не вернусь. Приехал назад и подписал контракт. В начале 2024 года пошёл служить.

Но перед этим три месяца я путешествовал. Ташкент, Самарканд, Чимкент, Актау, Томск, Омск, Новосибирск. На поезде, на маршрутках. Мне было интересно посмотреть всё. Много с людьми общался. Набирался впечатлений. Россия большая, в ней много интересного. А потом сказал: теперь я готов на СВО и умереть. Меня друзья спрашивали:

– Почему ты едешь, чего тебе не хватает?

– Хочу служить. У меня в сорок первом году дед воевал. Почему я не могу служить, ведь Россия мне всё дала. Я квартиру купил, машину. Я хорошо жил.

– Ты знаешь, что тебя ждёт?

– Да.

– Получи сначала паспорт.

– Я сначала отслужу, а потом получу паспорт.

Я не стал его до СВО получать, хотя возможность была. Я хотел доказать себе, что не трус. Что могу воевать за Россию. И так заслужить паспорт.

Попал в Волчанск. Сначала был танкистом, водил «КамАЗ», потом штурмовиком. Как-то, ещё в самом начале, был дрон, артой накрыли, и у меня кровь из ушей пошла. Страшно, ноги не идут, заходить на БЗ (боевую задачу) не хочу. Не то что не хочу, а не могу. Потом зашли в подвалы, там люди убитые, и над ними ещё издевались. И страх прошёл. Они – фашисты. Мы людям еду оставляем, а они убивают, вешают.

Прослужил полгода, пока не ранило. Мина, обе ноги посекло. Одну сохранили, вторая без пятки. Но собрали. Сначала хотели ампутировать, я отказался, сказал: «Отправьте обратно, лучше там погибну». Я молодой, я не привык быть слабым.

Из-за национальности никаких притеснений не было. Наоборот, мы там все братья. Меня уважали. Как-то сидели голодные, я выбрался, добыл три сумки еды. Жалко всех. Многих убили уже.

Здесь другая жизнь, мне это тяжело. Может, через год, когда подлечусь, снова пойду туда. Мне не интересны ни деньги, ни гражданство. Что я там видел, после этого у меня другие мысли. Хочу туда, чтобы победить. Маленькую девочку изнасиловали... Хочу найти этих и убить.

Когда ранили, я много крови потерял. Я умер. Лежу в поле, разговариваю с Аллахом: «Я готов умереть. Отдай всё плохое – боль, что для мамы с папой – мне, чтобы у них лёгкая жизнь была». Отключился в какой-то момент, а вокруг меня люди в белых одеждах. Потом я пытаюсь встать – и не могу. Рядом комбат раненый, говорит: «Вставай!». У меня одна нога вся в осколках, вторая как цветок: мясо, кровь, кости. Отрезал ножом сапог, зажгутовался, встал и на перебитых ногах прошёл пятьсот-шестьсот метров, сказал ребятам: «Там комбат раненый». За ним десять человек пошли. Нас все спасали: таджики, узбеки, русские.

За ногу я боролся. Хотели отрезать. Врачи из первого госпиталя отправили меня в Москву – пусть там решают. Всё равно отрежут. Здесь одна женщина-врач сказала, что можно спасти ногу. Молодой врач говорит: «Он же не наш, давай отрежем, какая тебе разница?». А женщина возмущилась: «Это наш человек, он за Россию боролся!». И она за меня боролась, спасибо ей огромное! Ногу спасли.

Я уехал на войну, родителям ничего не сказал, только брату. Когда ранили, на поле я звал маму с папой, просил прощения. И я слышал голос папы: «Почему ты всё на себя взял? Я твой отец, я должен на себя забрать».

В госпитале, когда реально родители позвонили, я думал, они ругаться будут. Мама сказала: «Я тебя люблю, ты настоящий мужчина, ты молодец». Папа: «Я тебя уважаю». Хотели приехать в госпиталь. Я сказал: «Когда встану на ноги, тогда приезжайте». Они настоящие мужчина и женщина, никогда не показывают свою слабость. Хотя, может, и плачут. Кстати, родители говорят по-русски без акцента, лучше, чем я. У них советское образование.

Давно, ещё до СВО, они ко мне приезжали. Я возил их по Москве. Показал вокзал, на котором когда-то бомжевал. Мама заплакала. Честно скажу: когда я заработал первые большие деньги, я приехал на этот вокзал напомнить себе, с чего я начинал жизнь в Москве. Чтоб голова от денег не закружилась.

Я хочу, чтобы мы победили. Чтобы там у людей была счастливая жизнь. Мне не нужны награды. Награда – это глаза бабушек и детей, которым мы помогли. И я хочу купить большой российский флаг. Это и есть награда.

Игорь А., 45 лет

С возрастом его я ошиблась, а имя он сам попросил изменить. Итак, Игорь, сорок пять лет. А я дала ему не больше тридцати. Первые несколько минут он был серьёзным и напряжённым, запугал меня своим секретным офицерским статусом. Но тут нам пришлось сменить дислокацию – доктора прогнали из холла, чтобы мы не смущали других раненых. Уже в неформальной обстановке кафе он раскрылся совсем по-другому: шутил, смеялся, подкалывал ребят, подтянувшихся на звуки нашего веселья. В общем, из обещанных «секретов» он не выдал ни одного, ловко перевёл разговор на общие темы. Наверное, на то у него были причины.

Родился я в год Обезьяны, потому люблю шутить. Я всё время спортом занимался, а сейчас люблю двигаться (*у него ампутация обеих ног ниже колена*). Когда войну прошёл, у меня психика повернулась уже в другую сторону. Я не ожидал, конечно, но на «гражданке» я увидел одно предательство – все бегут за деньгами. Кто чем занимается, наркомании много, пацаны пошли не той ориентации, голубых много, лесбиянок.

В детстве в Новгородской области мы жили в бедном интернате, печки дровами топили. Жили в интернате, потому что мать была пьяница, выпала с пятого этажа и разбилась. Отец шулер, игрок в карты, двадцать лет сидел. Есть братья-сёстры, общаемся. Старший брат служил снайпером. В тридцать три года тяжело заболел и умер. Другой брат получил два ранения в Чечне. И вот я – третий, младший брат – пошёл воевать. У нас все в семье военные люди. Дед воевал под Ленинградом пулемётчиком, медалей очень много. Меня в честь него назвали.

По профессии я столяр-плотник. Вырос в приёмной семье, мать меня усыновила в четырнадцать лет. Она живёт в Питере, ждёт. Говорит: «Ремня получишь, почему без ног остался?». Она у меня строгая, сорок пять лет отработала в Гознаке.

Сейчас все ударены в работу. Молодёжь стремится к большим деньгам. У кого-то получается, у кого-то нет. В Москве я заметил много проституток и наркоманов. Но те ребята, что помладше, развиваются в лучшую сторону. Я был здесь в одной школе и видел, как подростки интересуются военной службой, занимаются рукопашным боем, стремятся к чему-то хорошему. У них лица другие.

Я ненавижу предательство. Оно на войне – самое страшное, что может быть. Неправильные приказы, в пользу той стороны. В основном предают за деньги. Этим гадов вычисляют, сажают – они бегут, скрываются. Их надо сажать, и чтоб мясо их же изнутри сжирало. Боец идёт, он идёт за Родину. И когда что-то случается, нужна помощь – а помощи никакой. Это страшно, когда нет помощи, поддержки.

После реабилитации продолжу службу в военкомате. Без работы никак. Я всегда любил работать. Если Володя (*хлопает друга по спине*) приживётся в Москве, откроет нотариальную контору, я как старший и более опытный товарищ останусь с ним здесь. Он будет консультировать парней по юридическим вопросам, а мы – его охранять. Будем службой безопасности.

Он задорно смеётся, глядя, как Володя задумчиво переваривает информацию о своём новом «назначении». Я же пытаюсь составить хоть какое-то представление об Игоре. Он не назвал ни одного позывного: ни своего, ни товарищей, ни направления, на котором воевал, ни дат, ни населённых пунктов. Ничего. Даже не раскрыл, как и при каких обстоятельствах его ранило. Я не буду додумывать – почему. Хотя могу кое о чём догадываться. Пусть он так и останется человеком-загадкой.

Максим, 28 лет

До мобилизации Максим работал экскаваторщиком на горнорудном комбинате в Шахтёрске Сахалинской области, но по внутреннему призванию всегда чувствовал себя художником. С детства разрисовывал всё вокруг, портил школьные дневники и тетради. Особенно нравилось ему выписывать иероглифы.

Он и сейчас рисует, вернее, учится рисовать. Медленно и упорно, преодолевая отчаяние, наносит мазки на картон. Только левой рукой, потому что вся правая сторона – рука и нога – как будто срезана бритвой.

Я был механиком-водителем в мотострелковой части. Пацанов доставлял на передок, брёвна. Раненых вывозил. Мобилизовали в ноябре 2022-го, провоевал два года. У меня мама, жена, двое детей: близняшки, одиннадцать месяцев. Жена в январе приезжала, и вот... ждём третьего (*смущённо улыбается*).

Это уже второе ранение. Наступил на мину, а под ней что-то лежало, и правую сторону посекло. У нас медики под землёй (*в заглубленном блиндаже*), перевязали, пережгутовали и отправили. Быстро всё сделали. А первое ранение – в голову осколок прилетел, тоже тяжёлое, кровью истекал. Отправили домой на лечение, в госпиталь. Я полечился и потом обратно «за ленточку».

А с этой травмой, без руки и ноги, сложно принять себя. А каково жене? Выходила замуж совсем не за такого. Она пока не принимает эту ситуацию, не может смириться. Говорит: «Я одна, я не справляюсь с детьми». Тем более беременная. Малыши из шкафа всё вытаскивают, крупу, макароны, всё рассыпают по полу. Маленькие, за ними глаз да глаз нужен. Помочь пока никому. Мама моя в больнице.

До первого ранения всё было нормально. Потом после него вернулся, моей части нету, моего батальона нету, остались только штурма. Туда меня не взяли. Говорят: какой из тебя штурмовик? И отправили меня в Хабаровский полк, там было похуже.

А теперь уже никуда... Но нельзя раскисать, мне ещё детей поднимать. Буду большие картины рисовать. Да, учусь левой рукой. Сейчас здесь открытки рисую, на картоне акриловыми красками. Мне тут в госпитале даже комнату для этого выделили. Храмы православные рисую. Недавно на фестивале в Кузьминках была выставка моих картин. Продаю через телеграм-канал. Покупают.

Когда вернусь домой, планирую из Шахтёрска в Южно-Сахалинск переехать – это наша столица, большой город. Там, конечно, метро нету, но самолёты летают. По удобствам, по социальным вопросам получше. А в нашей деревне тротуары, коровы. Но всё равно хорошо – вышел во двор, свежий воздух, природа. Покой и тишина.

После всего случившегося я остался верен Богу. Для чего-то я же остался жив? В будущем думаю студию свою открыть, учить рисовать детей и взрослых с ограниченными физическими возможностями. Военкомат обещал помочь с трудоустройством, ведь для прежней работы я уже не годен. Но картины тоже могут быть заработком. Я очень на это надеюсь.

Максим подарил мне три открытки, на которых арбуз, авокадо и все виды цитрусовых. Сочные, яркие, радостные. Каждая – это его маленькая ежедневная победа. Над болью, над душевным смятением, над увечьем. Это его подвиг ради жены и детей.

Пётр «Джанго», 33 года

Этот парень сидел в инвалидном кресле неподалёку от нас. Волонтёры общались с ребятами, раздавали гуманитарку, под шутки и смех примеряя на них футболки, трусы и разные другие «нужности». А он своим отстранённым взглядом словно обозначил вокруг себя незримую дистанцию. На фоне остальных раненых какой-то слишком благополучный в не больничному модной одежде, безупречно аккуратный и по-взрослому сдержанный. Мне даже подумалось – что он тут вообще делает? Неужели он месил окопную грязь, рисковал собой? Умирал, спасал товарищей? Я предложила ему поговорить. И первым делом высказала свои сомнения на его счёт. Обиделся, но виду не показал.

Я родом из Сибири, из Кемеровской области. Срочную службу служил на военной базе за рубежом. Уже пятнадцать лет живу в Москве, откуда как медик и был призван на СВО. Здесь я работал, преподавал анатомию, физиологию, занимался реабилитацией детей с ДЦП. Плюс у меня была частная практика массажиста, принимал и взрослых, и детей.

4 апреля 2024 года. К этому времени я уже почти год прослужил, был в отпуске, и ко мне пришёл мой младший брат Игорь. Сказал, что хочет на СВО, хотя у него не было актуальной специальности, он юрист.

Нас определили в 810-ю бригаду морской пехоты Черноморского флота. Я попал в специальный штурмовой отряд, а брат – в десантную штурмовую роту. На Херсоне были разные ситуации: наступали, отступали, нас вытесняли. До Днепра оставалось двести метров, на некоторых участках доходило до рукопашной. Я был на тот момент санинструктором взвода, ответственным за эвакуацию и оказание первой помощи. Раненых было очень много, медиков не хватало. Мы чудом там уцелели. У нас остались только штаб, медики, взвод эвакуации, взвод обеспечения и кто-то ещё оставался в строю. Вот мы таким составом вышли на ротацию. Обновился сильно состав.

И 6 августа мы с колёс вступили в бой на курском направлении. Первый бой был смешанный, мы не понимали, где, как, с какой стороны «немцы» движутся. Разведка не могла доложить. Было очень большое количество засад и атак дронами, из-за чего мы понесли большие потери в августе. Ну а дальше фронт на Курске выровнялся, мы уже понимали, где кто есть, и в Ольговке – очень запомнились эти события – нас усилили ребятами-добровольцами из лагерей и тюрем. Их под Курском по разным бригадам раскидали. Много их попало в ДШБ (*десантная штурмовая бригада*), там несусветные потери. Ну, брат ещё какое-то время воевал, был жив.

Мы – морской штурмовой спецназ «Шторм». И к нам на поддержку отправили порядка сотни этих ребят из отряда «В». Это были пацаны с Сахалина, из Якутии, которые перешли с малолетней зоны на взрослую. И в большинстве своём, кроме детдома и тюрьмы, ничего не видели. Очень дерзкие, очень нахальные бойцы, прекрасные. И вот нам их дали в подкрепление. На ранее захваченной украинской технике, натовской, которую мы ввели в строй, с украинскими флагами мы с тыла зашли в Ольговку. Нас пропустили все их блокпосты. Они не ожидали, что на их технике с тыла заедут и просто высыплются русские солдаты. Мы нахрапом ворвались в село и очень быстро его зачистили. А потом дома, улица за улицей – то мы отжимали, то у нас отжимали с потерями.

Местами доходило до рукопашной. Этим ярким дерзким пацанам из отряда «В» было интересно зацепиться, сойтись на расстоянии вражеского вонючего дыхания. Очень смышлённые парни, тюрьма их научила выживать. Надёжные, достойные люди. У них притуплено чувство страха. Друг перед другом: кто круче, кто сильнее. Это мы уже пожившие – мне тридцать три года, – вкусившие плоды гражданской жизни...

Мне запомнился боец Тимоха. Тимофей его зовут, не знаю фамилии. Родом с Сахалина. Я какое-то время спустя уже перестал спрашивать имена, позывные, потому что я знал, что через неделю, возможно, я уже никогда его не увижу. И вот в конце августа утром Тимоха получил ранение в паховую область, пулевое и осколочное. Пулевое мы затромбировали, а осколочные были сильно глубоко, и он понял, что до следующего утра не дотянет. Жить ему оставалось часов восемь.

Я ничем не мог ему помочь. Дело в том, что рядом с нашим подвалом, где я организовал медпункт, в соседнем доме находился враг. Мы вытаскивали раненых, но на эвакуацию не надеялись, потому что мы были в окружении. Пробьются к нам, тогда будет эвакуация. Я сразу это обозначил перед ребятами. Я пытался всех спасти, даже понимая, что человек не продержится и суток, не дожждётся эвакуации. Иногда моя помощь заключалась только в обезболивании... Но мы сразу знали, когда шли, что это билет в один конец. Такой приказ.

И вот Тимоха, понимая всё это, говорит: «Дай мне обезболивающее и просто взбодри меня». Я ввёл адреналин с кардиомином, капельницу. Он объяснил свои намерения. Взял два больших рюкзака со взрывчаткой, мы соорудили мину на кнопку либо на время. Он на себя это навесил, забежал в соседний дом и подорвал себя. Ему было девятнадцать лет. Это пацан со стальными яйцами. Дом сложился, и мы продвинулись дальше и смогли вести успешное наступление.

Когда мы зачистили Ольговку, в подвале школы – или ДК, непонятно, хохлы посшибали все таблички – мы нашли тела сорока восьми детей и шести учителей. Над женщинами видно, что надругались. Дети на продлёнке были или в летнем лагере, их расстреляли. Возраст примерно с первого по пятый класс. Ну, что мы испытывали после этого? Ненависть.

Поэтому на зачистке Ольговского леса мы их не брали в плен.

Из двухсот человек в начале боёв за Ольговку нас осталось примерно пятьдесят вместе с ранеными, которых я смог эвакуировать. К нам подошло подкрепление. И наша артиллерия старалась помочь. Иногда успешно, иногда по нам отрабатывала, по-разному было. Понятное дело, мы были награждены.

В начале февраля в Куриловском лесу, в четырёх километрах от Суджи, на нас были налеты. Наш штурмовой отряд намеренно находился в оперативном окружении, только с одной стороны к нам можно было занести боекомплект и привезти пополнение. Мы эту дорогу длинной в девять километров назвали «дорогой жизни». Она под постоянным обстрелом – ямы от воронок, грязь, болото, на полметра копнёшь землю – и вода. Окапываться тяжело, сложно, но жить хочешь – всё равно окапываешься, строишь что-то из этой грязи. С 6 по 9 февраля были очень серьёзные бои. Доходило до того, что враги запрыгивали к нам в окопы, мы их выбивали. Они нас в стрелковом бою взять не смогли. Убивали они нас успешно только дронами и артиллерией. Мы чем могли отвечали. Техника их была пожжена полностью. Шестого числа нас было семнадцать, девятого уже трое: я, командир разведвзвода и пулемётчик-тувинец, восемнадцать лет пацану. Сейчас раненый тоже, в госпитале. И командир взвода тоже раненый, в Севастополе в госпитале.

Вот нам троим поступил приказ на отход. Там 5-й батальон в Куриловку зашёл удачно, потому что мы на себя много сил оттянули. Дали мне точку, куда выдвинуться для эвакуации раненых. Мы откопали мотобабу («мотолыга» МТ-ЛБ) из танкового капонира – она чудом уцелела – завели её и поехали. На тот момент санитары мои были либо ранены, либо погибли, на позиции вообще никого не оставалось; командир роты, начальник штаба, замкомбата, начальник связи, начальник РЭБ и часть артиллеристов – уже все погибли. Мы только старались подать информацию, что они точно погибли и надо выносить их тела. Дальше мы выдвинулись на реку Псёл, на мелкую переправу в сторону Куриловки. Ехали через поле. Вот представьте: два футбольных поля и между ними река. И с одной стороны некуда наступить – мужики лежат, и с другой стороны то же самое. Там и хохлы, и наши. Ещё с того года, в тельняшках, в летней

форме. Снега в этом году на Курске выпало очень мало, благо не было сильно тёплых дней, иначе всё это превратилось бы в катастрофу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.